
НАШ СЛОВАРЬ

К. Г. Исупов

ФАКТ/СОБЫТИЕ

Уровни исторической экзистенции. Факт — внесмысловая элементная наличность происшедшего, он не порождает других фактов, фабульно маргинален, представляет материальную периферию исторического процесса, пребывает в модусах случайного, дискретного, детального, не уникален и взаимозаменяем; фиксируется в рангах возможности, в формах слуха и сплетни, не нуждается в свидетеле и не актуален для задач хранения и наследования информации. Факт — это форма апофатического бытия события, его эмбрион. Событие есть факт в статусе автономной сущности: оно оставляет след в поле детерминант, провоцирует динамику процесса; событие актуально вплетено в мировое целое, репрезентирует целостность мира во всей полноте наблюдаемых состояний, обладает аксиологическим приоритетом для свидетеля и прагматической уместностью для общественного опыта; маркируется в терминах мнемонической и пропедевтической ценности; служит юридическим аргументом («казус») и элементом исторического объяснения, входя в качестве таковых в социальную память; составляет основной фон человеческой действительности; является эмпирическим сырьем для зодчества жизни и творческого поведения. Аксиология события состоит в его свойстве отвечать за всю смысловую целостность актуально связанной с ним конкретной событийной композиции; в этом плане событие есть конструктивно значимый момент **эстетики истории**. Факт может быть бесспорным в цепочке каузально связанных явлений. Но он живет плоской жизнью натурального самоозначенья, являясь как бы «макетом» события, напр.: факт–гипотеза — «Александр I не умер в Таганроге» есть возможность события — «Федор Кузьмич». Не–событие (т. е. факт) прошлого (напр., обычный ренессансный портрет юноши) нагружается символической значимостью события (А. Блок увидел в таком портрете свое изображение; см. дневниковую запись от 29 июля 1903 г.). Событие — это факт, уличенный в смысле, облеченный в смысл. Событие — это осмысленный факт. По Л. Толстому, смыслы событий возникают, когда они «вырезаются в свое значение»; в «Люцерне», 1857 герой, наблюдающий, как сотня богатых зевак оставила без подаяния нищего певца, возводит фактичность эпизода (точка зрения зевак) в ранг мировой событийности (с точки зрения рассказчика). Для Толстого естественным претензиям события на историчность отвечает его способность стать моральной проблемой (см. *Толстой Л. Н. Собр. соч.*: В 22 т. М., 1978–1984. Т. 6. С. 280). «След» факта есть его проблематизация, т. е. превращение не просто в событие, но в событие смысла. «Следы» событий смысла, образующие сложные конфигурации, и есть история. Прошлое состоит не из адекватной, довлеющей себе автономной наличности, а из смысловых архитекторник, в плане которых Промысел и человеческие деяния провиденциально соотношены: каприз личной воли органично отвечает вышней предестинации Божьего Домостроительства и общей судьбе мировой плоти. Смысловое бытие события, сопряженное с метасмысловым усилием человеческого уразумения есть уже 'со–бытие' — благодатно санкционированная, овеществленная и призванная к имманентной значимости экзистенция. Свой высший смысловой ранг мирская бытийность получает в формах сакрализации неповторимого эпизода, благодаря чему он становится «вечным Событием»

метаистории (Ницше; символисты; Блок). Так, воспроизведение в литургии судьбоносных моментов Священной истории; кардинальные вмешательства национального Рока в жизнь народа; поединки стихий Света с демонической ратью, отразившиеся на земле катастрофами, что описаны в «Розе Мира» (1950–е) Д. Андреева,— везде актуализирует свое волевое присутствие предвечная онтологическая грамматика событийности. Ее можно комментировать в терминах «основного мифа», «архетипа», «мифологемы» и других дериватов культурно–исторического и социально–психологического стереотипа, но центральной проблемой отечественной философии истории и историософии остается понимание не собственно событийного, а событийно–смыслового. Если Космос «думает» энергиями и состояниями материи, вещами Бытия, то история (ноосфера в ее внутренней динамике) «думает» смыслами событий. Иррациональный избыток движения истории утратит свою «загадочность» (в плане вечного запроса: «почему все произошло так, а не эдак?»), когда наука истории отделит слепую необязательность факта от смыслового древа альтернативно ветвящейся событийности, и когда слово историка о событии также станет историческим событием смысла. Теории сюжетосложения известно, что фабульная эмпирия факта предстоит художнику в качестве сырого фактического материала, который лишь на уровне сюжетной организации обретает органику событийности (то, о чем рассказывается), а сам процесс рассказа (то, как рассказывается), также становясь на уровне композиции событием, возрастает в целостное единство текста. Встреча двух событийных рядов: событий, о которых повествуется, и событие самого нарратива — и есть со–бытийственная в единственном смысле реальность художественного произведения, что не слишком далеко от «эстетической самоорганизации» жизни (Ф. Степун) внутри самой жизни как событийно осмысленного и ответственно свершаемого поступка («бытие события» по М. Бахтину; акт «творческого поведения» — в терминах М. Пришвина). Переход от фактичности к событийности — это смена онтологического амплуа. В мире «одна случайность уравнивается другой, и вот уже собирается множество фактов, вырисовывается определенный способ выбирать позицию, в отношении человеческой ситуации, *событие*, контуры которого определились и о котором можно говорить» (*Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М., 1999. С. 19; курсив автора*). Впечатляющий опыт метасобытийной герменевтики накоплен русской религиозной философией и в школе художественно–эстетического мемуарного свидетельства. Обостренное историческое чувство наших мыслителей и русская жанровая привычка памятной записи спасли жизни «пестрый сор» (так Пушкин означил прозаику повседневной фактичности) от исторической амнезии и отстояли преемство событийно–смысловой памяти. В эпохи цензуры и фальсификации прошлого (см. цезаристские генеалогии Иоанна IV Грозного, Петра Великого; мифологию вождизма в 30–50 гг. XX столетия) происходят вычеркивания и переименования исторических явлений (упразднение слова 'раб' при Екатерине Великой; ср. рассуждения Щедрина о девальвации смысла слов 'государство' и 'отечество'). В XX в. оппозиция «факт/событие» переживает инверсию, смысловую деформацию и семантическую болезнь, начиная работать на тотальный семиозис подмены (см. исследования новояза в антиутопиях Дж. Оруэлла и Е. Замятина). Переживаемая ныне шоковая терапия возврата внесмысловым «фактам» их подлинно–событийного статуса и смыслового тела богата симптомами исторического катарсиса, по результатам которого мы вправе надеяться на событийное здоровье нашей повседневности и научного поведения.

Исследования: Артамонов В. А. Национальный характер и история // Стили мышления и поведения в истории мировой культуры. М., 1990. С. 54–81; Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // История и источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 89–101; Бородина Т. В. К определе-

нию категории факта и методология исторического познания // Категории философии и развитие научного познания. Саратов, 1983. С. 113–115; *Вахтомин В. К.* Генезис научного знания. Факт, идея, теория. М., 1973; *Гуревич А. Я.* Что такое исторический факт // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 59–88; *Исупов К. Г.* 1) Мифология истории // Логос. СПб., 1992. Кн. 2. Российский духовный опыт. С. 104–112; 2) Русская эстетика истории. СПб., 1992; *Ландгребе Л.* Размышления по поводу слов Гуссерля “Die Geschichte ist das grosse Faktum das absoluten Seins // Метафизические исследования. СПб., 1997. Вып. 3. С. 180–198; *Лисовина А. П.* Категория «исторический факт» в марксистской и буржуазной философии истории. Кишинев, 1981; *Лотман Ю. М.* 1) Структура художественного текста. М., 1970; 2) О каузальных связях в семантическом ряду // Семиотика культуры. Архангельск, 1988. С. 6–10; *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // Ф. Ницше. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 159–231; *Руднев В. П.* Феноменология события // Логос. М., 1993. № 4. С. 226–238; *Секацкий А. К.* Опыт текстологического анализа советской философской литературы 50-х годов // Сфинкс Петербургский философский журнал. СПб., 1994. № 1. С. 7–41; *Соколов Е. Г.* Имитация истории и риторические фигуры советской мифологии // Метафизические исследования. СПб., 1997. Вып. 2. История. С. 143–166; *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт, 1924 // Ю. Н. Тынянов, Литературный факт. М., 1993. С. 121–137.

К. Г. Исупов

ВСТРЕЧА

Акция имманентного обмена высшими ценностями; диалогический принцип, определенный Вяч. И. Ивановым как «апантетический принцип» сознания (от греч. ἀπάντημα — ‘встреча’, ‘выход на встречу’, ‘сретенье’: *Иванов Вяч.* Сентенции и фрагменты // Русско-итальянский архив. Вяч. Иванов. Новые материалы. Салерно, 2001. С. 142). Существует универсальное представление о жизни как актуальной возможности В. В. — не плановое randevu, ее ценность подчеркнута ее вероятностной природой и непредсказуемостью итога. Она вне антитезы «свидание/расставание» и включена в другое смысловое поле — участия или неучастия в ней: она всегда «есть», но «моя Встреча» должна быть осознана внутри жизненного бытия-события и как факт самосознания. В. — это интеллектуальная (религиозная) катастрофа или философское приключение, которое может выглядеть как звено в ряду биографических событий, но смыслом своим принадлежит иному, над-биографическому, типу каузальности: благодати, сакральной инспирации, чуду, Божьему дарению. В. осознается символически («Сретенье»), за пределами овнешняющих обстоятельств быта и истории. Поэтому она может быть поставлена в аналогию с вечным событием мифа, вещим указанием сна, пророческим намеком оракула или сакральным событием литургии. В ряд уподоблений встает и ритуальная инициация, которая и является «внутренней формой» В. Мифологема В. для искусства и нарратива является источником фабульности и связного повествования. Событийные узлы в жизни и искусстве — это моменты В., в которой завязываются и разрешаются судьбы. В. судьбоносна и сама является судьбой в первичном смысле неотменяемой «сужденности». В. с судьбой есть событийный апофеоз, когда человек испытывается на последние вопросы бытия и существования («искушение в вере» и т. п.). «Встречность» — это социальный аспект жизни личности, юридически слитый с представлением о физической свободе (наказание изоляцией от общества связано с архетипом «воли» как возможности В.). В плане гносеологии и истории личности В. есть средство (ситуация) самоопознавания